

विक्रमं विक्रमं
विक्रमं विक्रमं
विक्रमं विक्रमं

Борис Борсуков Ст

Сон Брахмы

Борис Борсуков Ст Сон Брахмы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29407902

SelfPub; 2018

Аннотация

Книга предназначена для тех, кто по выражению автора "Рамааяны" мудреца Валмики, чувствует, что он привязан к этому миру и должен быть свободным, а также тех, кто не совершенно глуп и не совсем просветлен.

Содержание

Предисловие	4
Глава 0	12
Глава 1	18
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Предисловие

Эта повесть есть изложение записок человека, краткое и вынужденное знакомство с которым оставило во мне странное впечатление смеси сомнения и восхищения. Прочитав эти записки, которые, видимо, намеренно были оставлены на мое попечение, я принялся разыскивать автора, чтобы решить: вымышлена эта история целиком или в ней есть реальные факты, а главное, действительно ли автор участвовал во всех этих, выходящих за пределы вероятного, событиях, о которых он повествует. Опуская детали моих поисков, скажу, что следы этого человека мне до сих пор не удалось отыскать, как и не удалось понять причину того, что публикацию рукописи его записок он поручил именно мне. В том, что такова была истинная цель автора, сомневаться не приходится, так как компьютер, который он оставил мне при продаже квартиры, содержал всего один файл, который назывался «1000 долларов». Расскажу, почему название файла показалось мне прямым указанием на то, что его содержимое должно быть опубликовано, и сделать это придется мне. Итак, краткая история нашего короткого знакомства: все началось с того, что неожиданно я получил некоторую сумму денег, уступив авторские права на одно старое изобретение, и которую я не знал, как разумно употребить. Один знакомый посоветовал мне вложить эту сумму в недвижимость,

как сейчас принято говорить. «Все равно инфляция быстро обесценит эту сумму, – сказал он, – а квартира все равно останется в цене». «Что же, – подумал я, – разумно», – и стал регулярно просматривать объявления о продаже жилплощади. Сумма была небольшой и подходящий вариант долго не попадался. Наконец, один из моих коллег по работе нашел мне продавца:

– У меня, кажется, есть то, что тебе нужно. Один мой сосед срочно продает квартиру. Поехали сегодня вечером к нему.

– Что за квартира? – спросил я.

– Двухкомнатная, такая, как у меня. Мы – соседи по лестничной площадке.

– Давай позвоним сначала, – предложил я, – на двухкомнатную у меня, скорее всего, не хватит денег.

– Да я и телефона его не знаю. Двадцать лет живем на одной площадке, а я даже не знаю, как его зовут: «Здравствуйте и до свидания», – вот и все знакомство. Вчера мы с ним ехали в лифте и он спросил, где я работаю, и нет ли у меня знакомых, которые хотят купить квартиру. Когда он узнал, что я работаю в издательстве и у меня есть коллега – покупатель, то очень заинтересовался. Поехали, он чудак правда, но может быть, вы и договоритесь.

Вечером этого же дня мы встретились. Немолодой, худой, но очень энергичный мужчина открыл нам дверь, даже не спрашивая, кто звонит, и не заглядывая в глазок двери.

– Здравствуйте, проходите, смотрите, – сказал он, приглашая нас в ближайшую комнату. Вот еще одна, – отрывисто произнес он, проходя в смежную комнату, не дав нам как следует оглядеться. – Ну что, подходит?

– Смотря за какую цену, – сказал мой приятель. А как вы узнали, что он покупатель? – добавил он.

– Ведь вы мой сосед, верно? Я говорил вам вчера, что продаю квартиру? – ответил он. – Какая же еще причина могла вас привести ко мне, да еще вдвоем с незнакомым мне человеком?

– Ну, мало ли, – обиженным голосом протянул мой приятель. – Ну, я пойду к себе, а вы договаривайтесь. Зайди потом, – сказал он мне и вышел.

Мы остались вдвоем. Я огляделся – квартира показалась мне странно знакомой. «Где-то я уже это видел», – подумал я, разглядывая стол с укрепленными на столешнице тисками и слесарным инструментом, стеллаж с книгами вперемешку с электронными приборами, небрежно убранную постель...

– Ну что, подходит? – снова сказал он, внимательно рассматривая меня.

– Смотря по тому, сколько вы хотите за нее, – повторил я слова своего приятеля.

– А сколько вы можете предложить?

Я назвал сумму, которую предполагал вложить в недвижимость, и усмехнулся, готовясь откланяться и уйти. Сумма была явно недостаточной. В лучшем случае, я мог бы рас-

считывать на однокомнатную квартиру в этом районе.

– Договорились, – неожиданно сказал хозяин квартиры. – Только вещи сами вывезете и оформление документов за вами. Хорошо бы за неделю закончить все формальности.

Я молча уставился на собеседника. Приятель говорил, что он чужак, но не до такой же степени, чтобы отдавать за бесценок квартиру. Казалось, хозяин квартиры превратно истолковал мое молчание.

– За вывоз вещей и еще одну любезность с вашей стороны я заплачу за оформление документов и сброшу 1000 долларов со стоимости квартиры, – сказал он.

– Какую любезность?

– О, поверьте! – совершенные пустяки. – Просто написать пару страничек текста и подкорректировать немного. Вы ведь работаете в издательстве? Вам будет сделать это совсем нетрудно, я думаю. Согласны?

– Если это в моих силах, я сделаю, – согласился я, стараясь не отставать от собеседника в любезности.

– Вот и отлично. Я сообщу подробности немного позже.

– Вы срочно уезжаете за границу? Почему такая спешка?

– За границу? За какую границу? Ах, да, – рассмеялся странный собеседник, – Пожалуй, вы правы. Я действительно направляюсь за границу, только не уезжаю, а уйду.

Ладно, решил я, там видно будет. Пускаться в расспросы сейчас было совсем не резон. Мы обменялись телефонами и договорились встретиться у нотариуса на следующий день.

Я еще раз бегло осмотрел квартиру, попрощался, вышел на лестничную площадку и позвонил к приятелю.

– Ну и сосед у тебя, мой милый! Кто он такой?

– А бог его знает. Тихий, спокойный. В последнее время совсем его не слышно. У нас кухни смежные, раньше было слышно, что он краны на кухне включает. В последние несколько месяцев и этого нет.

– А чем он занимается? В комнатах инструменты, приборы какие-то. Кто он по профессии?

– Говорю тебе – ничего о нем не знаю. Да ты не волнуйся, мы вместе лет двадцать живем. Если бы было что-то подозрительное, – за это время непременно вылезло бы наружу. Покупай, если сошлись в цене – соседями будем, – приятель покровительственно похлопал меня по спине.

На следующее утро меня срочно послали в командировку в другой город. Я поручил все дела по покупке жене и уехал. Уже с вокзала я позвонил хозяину квартиры, извинился за неожиданный отъезд и попросил оформить документы на мою жену.

– Вы не против? – спросил я.

– Нет, конечно, но я бы попросил вас вывезти вещи из квартиры лично. Посмотрите, нельзя ли кое-что отдать тем, кто сможет ими воспользоваться по назначению.

– Не беспокойтесь, я пристрою их в хорошие руки, – пошутил я, думая, что он беспокоится о своих инструментах и приборах.

Это был последний мой разговор с хозяином квартиры.

– Вы говорили о чем-то после оформления документов? Передавал ли он мне какие-то пожелания или просьбы? – спросил я у жены после возвращения из командировки.

– Нет, ничего не передавал, просто пожелал удачи, пожал руку, попрощался и был таков. Станный он какой-то – за оформление документов сам заплатил. Наверно, за границу спешит – на ПМЖ или что-то в этом роде, – в раздумье сказала она.

– Да, вспомнила, он просил компьютер не выбрасывать до твоего приезда. Сказал, что это ценная вещь, и ты обещал текст какой-то на нем написать. Видела я это сокровище, по моему, второй или третий Пентиум. Странно, если он до сих пор работает.

Компьютер оказался в исправном состоянии. В корневой директории я обнаружил только одну папку, не относящуюся к операционной системе. Папка называлась «1000 долларов». В ней находился один единственный текстовый файл с одноименным названием. Все остальные файлы были тщательно удалены. Файл содержал записки, оформленные как небольшая автобиографическая повесть. Прочитав эту повесть и сообразив все обстоятельства, при которых она попала мне в руки, я понял, что загадочный автор повести хотел напечатать ее, но то ли не успел, то ли не захотел делать это сам. Деликатная форма, в которой он выразил свое желание, а также то, что по сути я принял оплату за издание авансом,

не оставляла мне выбора – пришлось отдать повесть корректору и издать ее небольшим тиражом.

– Где вы откопали этого автора? По-моему, братья Вачовски с «Матрицей» отдыхают, – пошутил корректор, возвращая мне рукопись.

– Они уже не братья, а автор отправился в вояж, как Свидригайлов, – неопределенно ответил я, не желая вдаваться в подробности.

– Какой Свидригайлов? Из «Преступления и наказания»? Самоубийство?

– Нет, впрочем, не знаю. Просто уехал, или, вернее, ушел за границу.

– Если за границу, то лучше бы там попробовал издать, или сюжет продать. Жалко, какой смысл издавать тут, да еще таким мизерным тиражом?

– Не знаю, я просто выполняю поручение. Бюджет – 1000 долларов.

– А фамилия автора настоящая или псевдоним?

– Псевдоним.

– Странная история, – вздохнул корректор, – сон Брахмы с рекурсией, анонимно и за свой счет – странно...

Корректор был математиком до перестройки и часто использовал непонятные математические термины в обыденной речи.

– Что такое рекурсия? – спросил я.

– Рекурсия – процесс повторения элементов самоподоб-

ным образом. Вся повесть – это вложенные друг в друга самоподобные сюжеты.

Термин «самоподобные» вызвал у меня серию ассоциаций: ощущение знакомства с интерьером квартиры, которую я купил, фрагмент повести, в котором автор обсуждает с издателем текст рукописи, еще что-то, что я не мог вспомнить, но что явственно прорывалось на поверхность сознания. С усилием я отогнал эти мысли, молча забрал рукопись и отнес ее в издательский отдел.

Через две недели я забрал из типографии несколько пачек брошюр в мягком переплете со странным названием «Сон Брахмы» и с выдуманной мной псевдонимом автора. Разумеется, фамилия автора мне известна из документов купли-продажи квартиры, но так как он не оставил ничего, что я мог бы истолковать как желание предать гласности свое имя, то я решил не называть его. Возможно, автор прочтет свою повесть и захочет переиздать ее под своим настоящим именем. Возможно, те, кто знали его, отзовутся и сообщат какие-то, неизвестные мне, пожелания автора, связанные с этой повестью. Все возможно, но пока я исполняю взятое мною обязательство написать несколько страничек сопроводительного текста и потратить 1000 долларов на издание этой повести.

Глава 0

Рама сказал:

«Куда пропадает этот мир, который виден сейчас, во время Космического разрушения?»

Васиштха сказал:

«Откуда появляется сын бесплодной женщины, и куда он пропадает?»

Сын бесплодной женщины не существует, и никогда не существовал.

Точно так же, этот мир, как таковой не существует и не существовал.

Как же он может быть разрушен?»

«Йога-Васиштха», VI–XIV век, приписывается мудрецу Валмики, который сказал: Для изучения диалога между Рамой и Васиштхой пригоден тот, кто чувствует, что он привязан к этому миру и должен быть свободным, и тот, кто не совершенно глуп и не совсем просветлен.

«Он лежал на диване, перебирая в памяти запахи съестного: отвратительный вкус жирной рыбы и волнующий запах, исходящий от нее, пьянящий аромат пекарни и скука булок. Он выдумывал обеды из восхитительных благовонных блюд, которые проносят у него под носом, дают понюхать, а потом выбрасывают. Вот если бы было можно питаться, как Иегова

– «Благоуханием приношений в жертву ему!».

Я открыл оглавление сборника повестей Ивлина Во, которые от скуки читал, наугад открывая страницы, и прочел название повести – «Мерзкая плоть». Да, действительно – мерзкая плоть. Это настроение постоянно преследовало меня последние несколько недель. Вид пищи и даже ее запахи вызывали у меня стойкую антипатию, наподобие той, которую я испытывал утром, в молодые годы, после изрядной выпивки вечером. Алкогольная интоксикация обычно длилась до обеда и после этого сменялась зверским аппетитом». Может быть, потеря аппетита связана со стойким эндотоксикозом, возникшим как следствие заболевания печени, почек, ЖКТ или новообразования», – думал я сначала. Я сделал полное обследование, но ничего подозрительного обнаружено не было». Возрастная норма, – пожал плечами терапевт, рассматривая рентгеновские снимки и результаты анализов. – Двигайтесь побольше, бегайте трусцой по утрам...» В справочнике терапевта я нашел еще одну возможную причину потери аппетита – нервные и психические заболевания. Это меня определенно насторожило. Дело в том, что одновременно с потерей аппетита я стал отмечать новый и не присущий мне ранее феномен периодического изменения ракурса восприятия действительности. Иногда я ловил себя на мысли о том, что я мысленно использую местоимение «Он» вместо «Я». Наиболее частой формой такого изменения ракурса восприятия было состояние отстраненно-

го наблюдения за собственными действиями. Но однажды я использовал в разговоре с приятелем вместо «Я» местоимение «Он». Эпизод, в котором я сказал о себе: «он думает, что...» вместо: «я думаю, что...», чрезвычайно меня встревожил. Ранее, в период увлечения философией и практикой йоги, я пытался практиковать технику «свидетеля», то есть стороннего наблюдателя. Техника эта требовала постоянного удержания внимания в положении вне тела и была очень трудна для меня. Теперь передо мной встала обратная задача – удерживать сознание в теле. Задача эта была не так трудна, но сам факт наличия подобной проблемы очень тревожил меня. Что происходит? – неужели это симптомы дебюта шизофрении? Утешительными были две вещи – мой вес после начального и довольно резкого уменьшения, оставался неизменным, а «выскальзывания» «Я» из тела не учащались и происходили в состоянии вынужденного безделья, например, в транспорте или в пограничных состояниях между сном и бодрствованием. Я понемногу успокоился и стал анализировать причины, которые могли вызвать эту психосоматическую реакцию. Момент истины наступил, когда я возобновил работу над установкой для ксеноновой терапии, которую прервал из-за отсутствия ксенона около месяца тому. Здесь, *nota bene*, необходимое для дальнейшего повествования: мое хобби – конструирование. Специализация – конструирование аппаратуры для физиотерапии. Я работаю в предприятии, которое использует некоторые мои

разработки, и таким образом предоставляет мне определенную свободу в выборе тематики деятельности. Итак, получив в свое распоряжение очередную порцию ксенона, я решил испытать работоспособность макета установки, которую я разрабатывал. Привычно прижав к лицу маску для ингаляции ксеноно-кислородной смесью, я установил параметры ингаляции и запустил установку. Концентрация ксенона была небольшой и вполне позволяла контролировать показания измерительных приборов установки. По мере роста концентрации ксенона начал развиваться известный мне, по предыдущим экспериментам, ряд изменений психического состояния – легкое опьянение, эйфория, легкий звон в ушах и... неожиданно мое сознание выскользнуло из тела и оказалось левее левого плеча на высоте около метра над головой. «Я» уставился на свою голову в этой необычной проекции и экран дисплея прибора на которую были направлены глаза «Моего» физического тела. Помню, меня удивили две вещи: довольно явственно видная проплешина на темени, о существовании которой я ранее не знал, и необычный ракурс дисплея, на котором «Я», как не вглядывался, не мог разглядеть значения концентрации ксенона. «Какой же сейчас процент ксенона в ингаляционной смеси?» – думал «Я». – Неужели, прибор вышел из строя и подает для ингаляции газовую смесь с критическим уровнем ксенона, а то и чистый ксенон? В этом случае, безусловно, возможны галлюцинации, в том числе и иллюзия выхода из тела. Нет, это невозможно, так

как «Он» должен был бы расслабиться и упасть со стула или, во всяком случае, перестать прижимать маску к лицу», – решил «Я». Странно, но все эти «размышления» не были эмоционально окрашены и были простой констатацией фактов. Послышался шум открываемой двери и шаги. Пришла уборщица, сейчас «Он» повернет голову и снимет маску, подумал «Я». Интересно, заметил ли «Он» мое присутствие?

«Он», действительно, повернул голову, но маску не снял, а просто знаками показал уборщице, что просит ее не мешать и заняться уборкой других помещений. Она, понимая кивнула головой и прошла в смежную комнату. Мой двойник, закрепил маску ремешками на затылке и, освободив таким образом руки, деловито пробежался по клавиатуре прибора, меняя параметры ингаляции, взял в руки блокнот и ручку, откинулся на спинку кресла и приготовился фиксировать ход опыта. Послышался щелчок клапана напуска ксенона. Дыхательный мешок начал расти в объеме. Мало помалу, движения руки становились все более вялыми и, наконец, она выронила ручку и соскользнула с колен.

«Хирургическая стадии наркоза», – констатировал я. Одновременно с наступлением этой стадии, сила, удерживающая точку моего восприятия ослабла, и она смогла переместиться поближе к экрану. Датчик ксенона показывал 67%, 68, 69... «Если подпрограмма защиты не работает, этот опыт станет последним в его жизни, – подумал я. – Ксенон вытеснит кислород из дыхательного мешка и он умрет

от асфиксии. Что будет со мной после этого? Бесконечные блуждания в лабиринтах Бардо? Или восприятие просто погаснет?» 71% – раздался щелчок закрывающегося клапана напуска ксенона. Дыхательный мешок, наполненный на 2/3 равномерно поднимался и опускался в такт дыханию. Кислородный клапан периодически постукивал, восполняя убыль кислорода в дыхательном мешке. Сколько времени возможно такое состояние? Наверно не больше нескольких часов до исчерпания адсорбера углекислоты. Может быть, и меньше, если выключат электроэнергию или зависнет компьютер, который управляет установкой. Может быть, уборщица разбудит его? Мгновенное перемещение точки восприятия и я увидел в одном из помещений женщину, которая сметала стружку со станка. Судя по всему, работы у нее было еще на час – полтора. Я переместился в точку непосредственно перед ее глазами, пытаясь привлечь внимание. Бесполезно, – очевидно, что она меня не видела. Мои попытки произвели на нее такое же действие, как если бы я попытался согнать муху с экрана монитора, тыкая в нее курсором мышки... Еще одно перемещение и я снова рядом со «своим» телом.

«Интересно, что сейчас происходит в «Его» теле? Наверно, это можно узнать, если переместиться в его голову...» – эта мысль была последней из моих мыслей в отдельной от тела точке восприятия.

Глава 1

Осознание того, что это люцидное сновидение, пришло, как обычно, не сразу. Сначала я бессознательно переживал ощущение присутствия на каком-то, привольно раскинувшись в гористой местности, ландшафте, центральным элементом которого было строение из тесаного дикого камня. Перед входом в строение была небольшая, покрытая мелким гравием, площадка. За площадкой начинался обрыв, край которого густо зарос кустарником. За обрывом открывалась изумительная панорама горной страны. Горные вершины были озарены странным пульсирующим светом. Красота этого пейзажа и пульсирующий свет принесли с собой привычное состояние осознанности. «Ага, это осознанное сновидение!» – с удовлетворением подумал я. Однако, обычно следующего за этой мыслью обострения восприятия и сияния предметов сновидения почему-то не произошло. Все оставалось абсолютно будничным, особенно входная дверь в строение и кнопка электрического звонка на наличнике двери. «Странно, – подумал я. – Может это не сон? А что это за пульсирующий свет на вершинах гор?» Я обернулся – на сей раз мерцание исчезло и горные вершины были озарены ровным светом заходящего солнца. Я провел рукой по шершавой от непогоды поверхности двери. Ощущение шероховатости было очень естественным. «Странно, очень стран-

но», – в замешательстве пробормотал я и машинально нажал кнопку звонка.

Резкая трель заставила меня отпрянуть от двери – никогда еще осознанные сновидения не давали столь ошеломительного эффекта реальности происходящего. Пытаясь подавить нарастающую как лавина панику, я подпрыгнул. Прыжок и затем медленное опускание на землю, пожалуй, единственный способ убедиться, что ты в сновидении. Какой бы подробной ни была действительность сновидения, но обеспечить привычную силу тяготения она почему-то не может. Прыжок получился замедленным. «Ну, слава богу, это сновидение!» – с облегчением подумал я. Между тем, дверь открылась... На пороге стояла высокая молодая женщина с правильными чертами лица и приветливой улыбкой. Женщина была в строгом черном брючном костюме. Я рассматривал ее со смесью восхищения, опасения и нерешительности – она была мне совершенно не знакома. Ранее сюжеты моих осознанных сновидений часто включали знакомых мне по повседневной жизни мужчин и женщин. Незнакомцев я никогда не встречал, и воспринимал это как неспособность внимания сновидения создавать самостоятельные личности. В этом сне ситуация была одновременно интригующей и пугающей. Я приготовился извиниться и уйти от греха подальше, но женщина произнесла:

«Заходи, раз сумел меня найти. Я тебя ждала». Отчетливость ее речи и это многозначительное – «ждала», вновь по-

ставили меня на грань неконтролируемой паники. В районе солнечного сплетения появилось чувство сжатия. Однако о том, чтобы повернуться и уйти, не могло быть и речи, тем более, что женщина ступила внутрь помещения, явно предлагая мне зайти. Я оглянулся на горный пейзаж, он по-прежнему был освещен ровным багровым светом заходящего солнца.

«Сон это или наяву заварилась такая каша, что похуже всякого сна?» – подумал я, нерешительно ступая вслед за женщиной в просторную и хорошо освещенную гостиную. Источника света я обнаружить не мог. Убранство комнаты состояло из низкой мягкой мебели и застекленных шкафов, уставленных затейливыми сосудами, статуэтками и какими-то предметами непонятного назначения. У одной из стен между кресел стоял низкий столик, к которому направилась хозяйка. На стену над столом падали четкие прямоугольники света заходящего солнца. Предложив мне сесть, женщина уселась первой. Я последовал ее примеру, поражаясь тому, что мое внимание сновидения совсем не ослабевает, как обычно, а напротив, как бы становится все более прочным. Мое внимание привлекла ручка, которая лежала на столе. Присутствие ручки, да еще на самом видном месте, в комнате, в которой не было видно ни книг, ни бумаги, было странным. Кроме того, колпачок ручки подмаргивал прерывистым светом! Вдруг я вздрогнул от неожиданности – это была та самая авторучка, которую я сделал для пробуждения

осознания во сне.

– Да, это та самая ручка. Она привела тебя сюда, – сказала женщина.

Наступило молчание. Я напряженно сопоставлял свидетельства того, что это сон: замедленный прыжок и вспышки на вершинах гор с потрясающей, не сновидческой реальностью происходящего. Куда отнести вспыхивающую авторучку, я не знал. На случай, если это все-таки не сон, а какое-то странное приключение, которому предшествовала амнезия при неизвестных мне сейчас обстоятельствах, я постарался сделать вид, что вполне контролирую ситуацию, и вопросов: «Где я? Что со мной?» от меня ждать не следует.

– Прекрасный вечер и вид из окна великолепный, – сказал я и вопросительно уставился на хозяйку, надеясь, что она скажет что-нибудь, проясняющее мое положение.

– Я думала, ты спросишь, нет ли у меня телефона? – с улыбкой ответила женщина.

«В самом деле, как это я сразу не сообразил, болван», – подумал я и с притворным безразличием сказал – Да, я бы хотел позвонить, если это возможно.

– Ты в сновидении. Какой смысл звонить во сне?

Волна радостного изумления накрыла меня. Нельзя сказать, что я поверил женщине, но сама возможность такого многообещающего сюжета осознанного сновидения была потрясающая. Повертев в руках ручку, которая снова стала подмаргивать, я подбросил ее. Вращаясь и описывая своим

вспыхивающим колпачком сложную кривую, ручка плавно, совсем не по-земному, опустилась на стол и, несколько раз подпрыгнув, остановилась. Сон, но какой сложный и убедительный!

– Да, конечно. Но где мы находимся, и кто ты? – сказал я, с наслаждением ожидая ответа и любуясь хозяйкой, с чувством художника разглядывающего свою картину.

– Ты видишь во сне мой мир. Я вызвала тебя сюда для важной беседы. Тебя привела сюда вот эта ручка, – сказала она, небрежно кивнув в ее сторону.

– О том, кто такая я, мы поговорим позже, когда ты узнаешь, кто такие мы и вы.

Хозяйка этого странного места явно ставила меня в подчиненное положение. Странная претензия плода моего воображения на самостоятельное мнение и даже превосходство, забавляла и восхищала меня.

– Ты хочешь сказать, – произнес я, тоже пользуясь местоимением «ты», – что кроме нас – сновидящих людей, есть еще вы, отличные от бодрствующих и спящих людей?

– Я хочу сказать, что кроме вас – двойников, есть мы – люди. Конечно, мы не называем себя так. Я употребила эти понятные тебе слова – «люди и двойники», просто для того, чтобы ты понял характер наших отношений. Двойники-духовидцы давно догадывались, что кроме их тел существуют высшие формы, которые они называют ангелами-хранителями, эфирными, ментальными, каузальными и прочими тела-

ми. Вот одно из этих тел перед тобой, – с еле заметной насмешкой сказала она. – Ты рад?

«Боже мой, – подумал я, – говорящий Человеческий Шаблон из книг Кастанеды!» От моего радостного оживления не осталось и следа. Причина этого состояла в том, что я вдруг осознал, что из этого сна, пожалуй, не так легко проснуться. Я с тоской вспомнил гравийную дорожку, по которой подошел к этому дому. «Надо было вернуться, но куда?» – подумал я. Делать нечего, единственный выход – продолжать эту беседу. С деланной рассудительностью я спросил:

– Ладно, пусть вы люди, но почему мы двойники? Двойник, эфирный, к примеру, – для нас это что-то возвышенное, духовное. Из твоих слов следует, что для вас слово двойник имеет другой, обратный смысл.

– Но у вас есть и другое значение слова «двойник». Двойники президента, например, – бесправные и безымянные манекены, – без тени улыбки сказала она. – Пожалуй, если откровенно, то для нас вы то же, что для вас домашние животные.

Я похолодел – разговор принимал слишком скверный оборот. Меня охватило ощущение реальной и нешуточной опасности. Я затравленно оглянулся: в окне погасали последние багровые отблески заходящего солнца. Как быстро пролетело время заката! Впереди ночь, в компании этой странной женщины, которая, по сути, еще ничего не сказав и не сделав, напугала меня до слабости в коленях. Я положил стран-

но ватные руки на колени и постарался прекратить дрожь в них. Я никогда не имел кошмарных сновидений, и не знал ни какво это, ни как с этим бороться. Вспомнились многочисленные советы психотерапевтов по борьбе с кошмарными субъектами сновидений. Главное – не бояться, ведь, в сущности, это плод моего воображения, дремавший в каких-то закоулках подсознания. Надо встать и сделать какой-то решительный жест – перевернуть стол, например, или разбить вот ту стеклянную вазу! Я с вызовом посмотрел на мою мучительницу. В ее лице появилась еле заметная досада. Одновременно я заметил, как пол подо мной потерял твердость, и я опустился вместе с креслом на пару десятков сантиметров. Я ошарашенно уставился на свои, вмурованные в гладкий паркет, брюки. Боли я не чувствовал, ступней и части голени тоже. Вспомнилось из сказки: от первого удара вошел... на вершок в землю, от второго... Нет, больше не нужно, я все понял. Странно, но это невероятное обострение ситуации совершенно успокоило меня. Сон это или нет – перестало волновать меня. Что-то внутри меня приняло безграничное превосходство этого существа, кем или чем бы оно ни было.

– Хорошо, я все понял, – с удивлением я услышал свой голос. Одновременно кресло и я сам вернулись в исходное положение. Я взглянул на собеседницу. Выражение досады исчезло с ее лица.

– Не мы устроили этот мир. Нам остается только жить в

нем. Мы даже умереть не можем. Пока по крайней мере, – как ни в чем не бывало добавила она.

– Нет такого страдания, которое не изгладилось бы со временем, и такой боли, которая не исчезла бы со смертью, – машинально и не к месту процитировал я Дон-Кихота.

– Сервантес... – женщина с любопытством посмотрела на меня. – Знаешь, почему он это написал? Потому, что он о очень в этом был не уверен. Его пастырь о многом догадывается, я его когда-нибудь с тобой познакомлю.

– А кто такой пастырь, и почему, если он о чем-то догадывается, то Сервантес 400 лет назад об этом писал? – спросил я и сам поразился несурзости своего вопроса.

Женщина весело рассмеялась: «Дело в том, что Сервантес всегда писал и будет это писать, а пастырь всегда догадывался и будет догадываться, пока вся эта липа не рухнет».

– Как воннегутовский пилот летающей тарелки, который всегда нажимал и будет нажимать кнопку запуска двигателя, уничтожившего Вселенную? – перебил я.

– Вот именно, – согласилась она. – Кстати, у них был один и тот же пастырь. У него была страсть к писателям. Между Сервантесом и Воннегутом он контролировал Яна Потоцкого. Он собирал всех, до кого мог дотянуться: Тадеуша Квятковского и Булгакова, например. Эрудированный был пастырь. Был и есть, – поправились женщина. – Например, сравнительно недавно я получила от него в наследство любопытного субъекта, твоего соотечественника – Пелевина. Каждый

из вас принадлежит какому-то пастырю в нашем мире. Некоторые пастыри владеют миллионами двойников.

– Пастырь это тот, кто пасет? – спросил я, соображая, как сюда замешался Пелевин, к которому я всегда испытывал странную смесь отвращения и опасливого любопытства.

– Да, тот кто пасет, доит и стрижет. Совсем, как овечий пастух. Еще он защищает стадо от других пастухов и волков. Единственно чего он не может – это зарезать двойника, как овцу и съесть. Наши с вами отношения гораздо тоньше. Видишь, – сказала она, – я даже не могла с тобой встретиться наяву. Мне пришлось привести в свой мир твое сновидение. Ваши боги или святые всегда являлись вам только во сне.

«Так это все-таки сон! – подумал я. – Значит, я могу встать и уйти или даже улететь!»

– Нет, не можешь, – ответила она, – ни уйти, ни тем более, улететь. Попробуй встать!

Я не смог пошевелить даже рукой. Кроме того было совершенно очевидно, что она читает мои мысли. Читает, но не контролирует – это меня немного утешило.

– Конечно, не контролирую, иначе мне пришлось бы думать за тебя, а тогда какой смысл в беседе? – усмехнулась она.

– Постой, ты сказала, что ты привела мое тело сновидения в свой мир. Значит, ты живешь во сне?

– Нет, мой мир для меня реален, так же как и твой для тебя, хотя и мы тоже спим, как и вы. Наш сон тоже бывает

обычным и осознанным.

«Если это – правда, странно что такая возможность никому не приходит в голову, – подумал я. – Просто скучная последовательность подобных друг другу миров, копирующих друг друга, как дурная бесконечность, которую я видел сидя в фойе университетского общежития между двумя огромными зеркалами».

– Что же в вашем мире тоже есть бедные и богатые, умные и дураки, счастливчики и несчастные? – спросил я.

– Не может не быть, – ответила женщина, – ведь наш мир базируется на вашем. Я уже говорила тебе, что некоторые из нас владеют миллионами двойников. Есть и такие, у которых нет ни одного двойника. Эти – самые несчастные, они вынуждены служить за взятку. Есть такие, у которых полно двойников, а значит избыток взятки, но все же, меньше чем у других. Это их несчастье, и чтобы переменить свою участь они согласны на все, даже на убийство другого пастыря.

Признаться, убийство пастыря, не вызвало у меня никакого внутреннего осуждения и даже показалось мне вполне заслуженным наказанием за еще не понятно какую эксплуатацию паствы, то есть нас, людей. Из слов женщины следовало, что эта эксплуатация была как-то связана со взяткой. В чем состояла эта взятка, еще предстояло выяснить.

– Взятка – это эмоция, которую испытывает двойник, поглощая что-то, обладая чем-то, теряя что-то или стремясь к чему-то. Это, так сказать, нектар, который выделяет ваша

психика при возбуждении. Вот этот нектар и служит основой жизни в нашем мире, поэтому мы как пчелы его без усталости собираем. Впрочем, слово взятка, которое происходит от глагола «взять», придумал ты сам.

– Как придумал? – возразил я, – Ведь ты сама сказала, что вы берете с нас взятку.

– Я ничего не говорила. Ты сам создаешь мою речь из потока информации, которая исходит от меня. У нас другой тип общения и нам не нужно разговаривать, в том смысле, как делают двойники. Вообще, все что видишь, – это продукт твоей интерпретации моего мира, который ты получаешь из моего осознания. Я только немного его корректирую, если нужно, как в том случае, когда я переместила твои ступни ниже уровня паркета, – с самодовольным видом, сказала она.

Я смущенно отвел глаза и когда снова посмотрел на собеседницу, увидел, что она во мгновение ока переменила свой черный брючный костюм на нарядную блузку из ткани желтого цвета и просторную юбку цвета охры, красиво драпирующуюся на ее стройном теле. Женщина смотрела на меня с уверенным выражением фокусника, забавляющегося озадаченным видом свидетеля его трюков. Впрочем, такие превращения, после истории с паркетом, мне были уже нипочем.

– Как тебе нравится мое синее платье? – спросила она.

Было очевидно, что фокус немного не удался. Но я не подал виду, тем более, что меня гораздо больше занимал во-

прос о сути взятки.

– Очень красивое платье, – ответил я, – но не кажется ли тебе, что эта взятка, о которой ты говорила, по сути, есть воровство энергии у нас? Ведь мы тоже живем ради получения эмоций, а из твоих слов следует, что мы получаем только часть, остальное забираете вы.

– Да, мы забираем вашу психическую энергию в той мере, в какой это возможно. Мы оставляем вам ровно столько, сколько нужно для того, чтобы поддерживать в вас активность. Но разве вы не делаете этого по отношению к животным? Это всеобщий закон. Животные питаются растениями, вы растениями и животными, мы – вами, животными и растениями. Нашу психическую энергию поглощает кто-то над нами. Я уверена, что тот, кто питается нами, в свою очередь служит пищей для других. Поглощение – вот основа устройства мира. Когда оно прекратится, этот мир рухнет.

Ее слова заставили меня задуматься. В самом деле, если дело обстоит таким образом, признать поведение этих странных существ аморальным можно только признав собственную аморальность. Да и что такое мораль? – не более чем свод общепринятых норм поведения. Какое им дело до наших критериев нравственности? Не больше, чем нам до норм поведения в стаде овец. Получается, что безупречным в этой цепи взаимного поедания можно признать только жизнь растений. Ведь они питаются непосредственно солнечной энергией.

– Вот, вот, – возразила женщина, – а откуда тебе известно, что Солнце не живое? Солнце – первоисточник жизни и сама жизнь, – добавила она не допускающим возражения тоном.

Я не раз читал рассуждения о том, что неживая материя вообще, и Солнце, Земля, другие планеты в частности, – живы и обладают самосознанием. Это мнение всегда казалось мне поэтической метафорой.

– Откуда тебе это известно? – спросил я, заинтригованный уверенностью в ее голосе.

– Нам известно во столько же раз больше, во сколько вам известно больше, чем овцам. Живое может поглощать только живое. Я скажу больше: поглощая живое, живущий оживляет то, в чем жизни мало, например, минералы, – лаконично ответила она.

По сути это был парафраз теории Циолковского о всепроникающей силе сознания, которая пробуждает спящую материю, возвращая ее из обморока, как он выражался. Странно, что эта же идея вернулась ко мне во время этого сновидения. Эта ассоциация повлекла за собой другую: «Чеховский Черный монах – вот кто эта женщина», – подумал я. Так же как и Черный монах, она говорит то, о чем я и без нее догадывался или читал. Только Черный монах проник в бодрствующее сознание больного человека в дебюте шизофрении, а я вижу это во сне. Эта мысль меня немного успокоила. Тревожило другое – необыкновенная устойчивость этого состояния. Я не представлял себе, как из него выйти. Может, это

какой-то неизвестный мне тип безумия? Я ясно представил себе свое тело, обвешанное датчиками, спящее где-то в невообразимой дали и неспособное проснуться. Если это продлится долго, это неизбежно станет известно, сначала в узком кругу родственников, потом на работе... поползут слухи – вот, дескать: «в его лета с ума спрыгнул...». Перспектива была безрадостной.

– Не беспокойся, я скоро верну тебя в твой мир, – заверила меня собеседница.

– И мы больше не увидимся? – сказал я и почувствовал, что мне бы очень хотелось продолжить эту пугающую и одновременно невероятно притягательную беседу.

– Все будет зависеть от тебя, – сказала она и посмотрела на стол – колпачок авторучки снова заморгал.

Я потянулся за авторучкой. Взял ее в руки и вспомнил, что в программе фотостимуляции стробоскопа, которая порождала вспышки колпачка, я заложил интервал в десять секунд. Странно, подумал я, вся эта беседа продолжалась только 10 секунд? Хорошо, а почему тогда интервал между вспышками в серии такой, какой должен быть – около половины секунды? Я стал считать – двадцать один, двадцать два... стараясь одновременно подсчитать число вспышек, загибая пальцы. Досчитав до двадцати, я посмотрел на левую руку – все десять пальцев были загнуты. Значит, интервал равняется половине секунды. Я отвел взгляд от руки... вокруг была знакомая и постылая реальность. Пасмурный свет

зимнего дня лился из окна на стол, компьютер и все мои убогие радиоэлектронные поделки, которыми еще вчера я так гордился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.